

Война. Сколько горя, слез, страданий принесла она нашему народу. Как и вся страна, жители нашего района восприняли войну не только как общую беду, но и как необходимость защитить свою страну

от врагов. Тысячи краснооктябрьцев встали на защиту Родины.

Вся тяжесть работы в тылу легла на плечи стариков, женщин и детей. Они управляли автомобилями, тракторами, комбайнами, молотилками. Пахали, сеяли, убирали хлеб – на лошадях, коровах, вручную. Работали днем и ночью. Ведь нужно было кормить, одевать, обувать нашу армию. Наших солдат. А солдаты – это отцы, мужья, братья, сестры и дети.

Тысячи тружеников тыла строили оборонительные сооружения. За-

готавливали торф. Собирали на фронт посылки с теплыми вещами.

Наши краснооктябрьцы активно участвовали в создании фонда обороны. Собирали средства на строительство эскадрильи «Валерий Чкалов» и танка «Чембилеевский колхозник». Так к 25-й годовщине Красной армии труженики Краснооктябрьского района отправили 2586 посылок общим весом 5 тонн. Собрали подарки для раненых бойцов, находящихся на излечении в госпитале № 2872 в селе Красные Пожарки.

Живым свидетелем всех этих событий была

моя прабабушка – хозяйница села Чембилей Зяйтуня Халилуева Зарипова. К началу войны ей было 25 лет. Мужа забрали на фронт. Она осталась с двумя детьми на руках. Старшей дочке было три года, младшей годик. Все фронтовое время Зяйтуня проработала в колхозе. С ранней весны до поздней осени – в поле. Часто брала с собой в поле детей. Дома за ними присматривать было некому.

Колхозники пахали, сеяли, убирали хлеб. Заготавливали сено, на себе таскали и складывали в стога. Собирали после уборки оставши-

еся колоски. С мешками за 20-25 километров пешком ходили за посевными семенами. Зимой молотили, сушили зерно. Дома ночами пряли пряжу, вязали носки, перчатки и шарфы для солдат.

Еды было мало. Дети все время просили есть. Зяйтуня сама не доедала, отдавала последний кусок дочкам. Нужно было сохранить детей. Все жили надеждой на скорую Победу.

Наконец этот день настал. Вернулся с войны муж Абдула Абдулхак Якубович. Дважды был ранен. На груди ордена Красной Звезды и множество медалей.

За самоотверженный труд в тылу в годы войны моя прабабушка награждена медалью «За доблестный труд в Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»

Я благодарен моей прабабушке и всем труженикам тыла за их подвиги. За их труд во имя победы. Всегда помню и горжусь!

Фаил ЗАРИПОВ,
юнкор, 5 класс
Уразовской
средней школы

Детский дом чтит ветеранов

Это письмо пришло в редакцию из рабочего поселка Починки. Прислала его воспитатель Починковского детского дома восьмидесятих-девяностых годов прошлого века Любовь Лашманова. Она рассказала о дружбе ребят со своей коллегой, тоже сотрудником детдома конца прошлого века – Любовью Николаевной Кондратьевой (в девичестве Пряничниковой), пережившей в детстве блокаду Ленинграда.

Починковцы с почетом и уважением относятся к воспоминаниям Любови Николаевны, часть из которых записана еще одним ветераном детского дома – бывшим учителем музыки и изобразительного искусства, краеведом и сельским корреспондентом Авениром Андреевичем Герасимовым.

Вот что записал за Любовью Кондратьевой Авенир Герасимов.

– «Родилась я в Починках в 1931 году. Примерно в 1933-м родители переехали в Ленинград к деду Александру Пряничникову. До войны моя мама Анастасия Васильевна трудилась на хлебозаводе, папа Николай Александрович вместе с дедом работали реставраторами по дереву в известном всей стране Эрмитаже. Я училась в школе.

Наша семья жила в Центральном районе города: на Набережной Мойки, 9. Рядом протекала полноводная Нева, шумел Невский проспект, зеленели Летний и Михайловские сады, возвышались Зимний дворец и Эрмитаж.

Весь ужас войны я впервые почувствовала в сентябре 1941 года, когда десятки тяжелых «юнкеров»

со зловещими крестами на крыльях начали бомбить город. Перед налетом я пошла в магазин за квасом. Как прибежала домой – не помню. Было очень страшно.

Непрерывные бомбежки и артиллерийские обстрелы города порой продолжались по восемнадцать часов кряду. Сотни домов были разрушены, десятки тысяч ленинградцев погибли в руинах.

Вскоре папа, несмотря на бронь, ушел на фронт и пропал без вести. Когда немцы разбомбили хлебозавод, мама ушла на рытье окопов.

В городе отключили электричество, перестал работать водопровод. Школу перевели в подвальное помещение. Начался голод.

20 ноября 1941 года в блокадном Ленинграде была установлена самая низкая карточная норма: 250 граммов суррогатного хлеба на рабочую карточку и 125 граммов на служащую, детскую и иждивенческую.

Все долгие месяцы блокады хотелось только одного: есть. Получив в магазине по карточке кусочек хлеба, я тут же его съедала: боялась, что по дороге домой отнимут.

В первые дни во время бомбежки мы еще бежали в бомбоубежище под Зимним Дворцом (по пропускам). Потом уже не обращали внимания на вой сирены, сидели всю бомбежку в квартире: от голода сил не оставалось, всегда хотелось спать. Я перестала посещать школу. За водой ходила на Неву с маленьким ведерком.

В однокомнатной квартире у нас была плита, которую зимой топили всем, что горело: досками, хворо-

стом, разбитыми стульями, книгами, тряпками.

Мама с окопов иногда приносила кашу, мослы, мороженую картошку из-под снега. Редко варили суп, добавляя в него столярный клей.

В блокаду снабжение Ленинграда в основном совершалось через «Дорогу жизни» – через Ладожское озеро, самое большое озеро Европы. Берега были неудобными для стоянки, осенние штормы выбрасывали на берег груженные баржи с продовольствием и снарядами. Перевозка людей и грузов хоть по воде, хоть по льду, да еще под бомбежкой всегда была опасна. Зимой рейсы на грузовиках по замерзшему озеру совершались без огня – вслепую.

В городе не было птиц, кошек, собак – всё живое поедалось. Было и людоедство. Я видела на улице

полураздетые трупы людей с вырезанными частями тела. Люди умирали от голода. Не только в квартирах, но и в бомбоубежищах, у магазинов и просто на улицах.

Из Ленинграда нашу семью вывез на грузовике по льду Ладожского озера дядя Николай, муж сестры отца, военный шофёр. Когда поездом добрались до города Горького, нас поместили в госпиталь, кормили, лечили. Мы с мамой возвратились в Починки, но блокадные голодные месяцы еще долго давали о себе знать.

Я три года болела, тело было покрыто нарывами, распухали суставы. В школе я больше не училась. Когда окрепла, пошла работать в колхоз имени 1-го Мая. Затем семнадцать лет трудилась в районной аптеке, тринадцать лет в ветеринарной аптеке, последние

пять лет работала в Починковском детском доме.»

Вот такая непростая история.

– В отличие от Тани Савичевой, умершей от последствий голода в р.п. Шатки, – рассуждает ветеран Починковского детского дома Любовь Лашманова, – юной блокаднице Любе Пряничниковой повезло: она осталась жива, работала, вышла замуж, достойно прожила послевоенные мирные годы. Я бережно держу в руках бронзовый знак и удостоверение к знаку №1094. Читаю: «Жителю блокадного Ленинграда Кондратьевой Любови Николаевне. По поручению Совета народных депутатов знак вручен 24 ноября 1991 года заместителем главы администрации. Подпись». Смотрю на задумчивое лицо пожилой женщины, в её грустные глаза: Любовь Николаевна вновь переживает те страшные дни блокады...

